

Вячеслав Чистяков (Иваново)

Ново-Талицы, пригород города Иванова, жил спокойной деревенской жизнью. Сюда, в дом своих родителей, мой отец и привел в 1937 году жену, у нее было необыкновенное имя – Алимпиада. Мою будущую маму. Здесь я и родился. Первые шаги делал с бабушкой. Вместе ходили в поле доить нашу козу. На обратном пути, по ее рассказам, я несколько раз говорил: опти. Первое слово? Это означало – давай пить молоко. Останавливались, потом топали дальше. Мирная жизнь, летние радости.

Тревожная весть – война! – смела эту мирную картину, начались тревожные будни. Отцу пришла повестка из РВК в конце 1941-го или в начале 1942 года. Со слов мамы, отца провожали с надеждою на скорое возвращение. Я сидел на руках у отца и был этим очень доволен. Потом меня часто спрашивали, помню ли я отца? Нет. Мне тогда не было и двух лет. Помню только рассказы мамы о том, как он уходил...

С фронта от него пришло только одно письмо, которое, к сожалению, не сохранилось. Обычное солдатское письмо-треугольник. На внешней стороне – дополнительная запись: «Идем в бой. Прощайте, Талицы». Эти слова мама хорошо запомнила и многие годы повторяла их, вспоминая своего мужа.

В конце войны из РВК пришло извещение, что Леонид Васильевич Чистяков пропал без вести. Более подробных сведений о судьбе отца мне найти не удалось.

Из-за конфликта с родственниками отца мама ушла вместе со мной на частную квартиру. Потом отвезла меня к своим родителям в деревню Свистуново, это Вологодская область, Грязовецкий район, сама вернулась в город. Там я и жил у деда и бабушки несколько лет до окончания войны.

Это был глубокий тыл. Здесь размещалась учебная воинская часть, ежедневно шла боевая подготовка со стрельбой с утра до вечера. В нашем доме жили несколько офицеров, видимо, командиры взводов. Над одним из них все шутили: дышит ли он во сне? Все прикладывали к его лицу ухо и потом с радостью сообщали – дышит! В доме был телефон, и я по телефону узнавал голоса девушек-телефонисток из узла связи этой воинской части.

Деревня Свистуново была большая, и нас, пацанов, собиралась довольно шустрая кампания. Мелкой братией, которой было по 3-5 лет, командовали «ветераны» по 10—12 лет, которые хорошо знали, где что плохо лежит. Нашим обычным занятием было кидание стреляных гильз, которые летали с

каким-то интересным свистом. Таких гильз в поле рядом с деревней было целые горы. Возле входа в главный штаб воинской части, который располагался в самом большом доме, вертикально стоял снаряд без взрывчатки (болванка). Вся мелкая братия регулярно подходила к этой болванке, обнимала её, пытаясь поднять на живот. Это была проверка нашей силы. Получалось не у всех.

Однажды старшие мальчишки стащили где-то боевой снаряд и повели всю нашу ораву на его испытание. На опушке леса развели большой костер. Потом прогнали всю мелкоту за бугор в небольшую яму. Бросив снаряд в костер, они бегом прибежали к своим подопечным. Строгая команда – Не высовываться! Голову не поднимать! Лежим. Ждём. И – взрыв! Все живы-здоровы! Все – удирать! Куда? А кто его знает, куда. От взрослых на этот взрыв не было никакой реакции. Здесь учебные стрельбы и взрывы проходили каждый день. Одним взрывом больше, одним меньше – никому дела нет.

Боевая учеба у нашей воинской части закончилась, пришла команда – на фронт. Молодые офицеры прощались с нами. Я сидел на руках одного из них и орал во все горло. Инстинктивное чувство тревоги, чувство беды. Кто они, эти парни в военной форме? Ни имен, ни фамилий я, конечно, не знал... Какова их судьба? Вернутся ли они живыми после войны? Эти минуты прощания я каждый раз вспоминаю в день Победы 9 мая. Перед глазами стоят Командиры взводов! Лейтенанты войны!